М. С.

О баррикадной и уличной борьбѣ.

I.

Въ западно-европейскихъ революціяхъ.

Книгоиздательство
„АМИРАНЪ“
(Ал. Арабидзе).

С.П.Б. 1906 г.

2 экз

ПРОВ. 1957

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1176
57

„Пушкинская Скоропечатня", Лештуковъ пер., 4.

„Если мы побиты, то намъ остается только снова начать съ начала". *К. Марксъ „Рев. и контръ-револ."*

Всякая государственная власть, вообще, государство представляетъ изъ себя систему и организацію господства и угнетенія имущими классами неимущихъ, но всю свою жизнь трудящихся—т. е. систему господства кучки эксплоатирующихъ надъ массой эксплоатируемыхъ; а феодальное, абсолютно-монархическое государство, вообще, абсолютная монархія всегда являлась чудовищемъ, которое кровожадно расправлялось съ народомъ за попытки свободнаго существованія. Тиранія могла существовать только на счетъ невѣжественнаго и темнаго народа; тиранія—это эксплоатація невѣжества народныхъ массъ; поддержаніе этого невѣжества и противодѣйствіе просвѣтленію самосознанія народа всегда являлось и является вопросомъ жизни и дальнѣйшаго существованія тирановъ, являющихся ставленниками надменной и чванной аристократіи, презирающей народъ. „Человѣкъ начинается только съ барона; дѣти горожанъ и рабочихъ не рождены, а выкинуты"—вотъ взглядъ на народъ этой аристократіи, высказанный генераломъ Виндишгрецомъ. Впившись въ народное тѣло, высасывая его кровь, тираны и ихъ опричники отводятъ иногда свои окровавленныя губы для того, чтобы проповѣдовать своимъ жертвамъ смиреніе и покорность, обѣщая отъ имени Бога воздаяніе за эти добродѣтели на томъ свѣтѣ. Черезъ наемное духовенство свое преступное господство, свои хищническіе подвиги они объявляли за богомъ установленный порядокъ. Не довольствуясь проповѣдью отъ имени царя царствующихъ, епископы и священники существованіе царствующихъ хищниковъ опра-

вдывали и отстаивали тѣмъ, что будто „идея самодержавія свойственна не только людямъ, но и животнымъ.“ Но если все это не дѣйствовало, цѣнко держащіеся за свои миропомазанныя права и привиллегіи правители не задумывались, пока была возможность, штыками и пулей, висѣлицей, пытками и тюрьмой обуздать проснувшееся сознаніе народа, потребовавшаго права на человѣческое существованіе. „Богопомазанники“, пока чувствовали себя окруженными щетиной штыковъ, и слышать не хотѣли о какихъ-то правахъ народа, даже мысли объ этомъ они во всеуслышаніе и съ топотомъ ногъ объявляли „безсмысленными мечтаніями“. Они торжественно заявляли, какъ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV, что „никакой силѣ земной и никогда не удастся превратить естественныя отношенія между монархомъ и народомъ въ условныя, конституціонныя, и что никогда они не допустятъ, чтобы между владыкой небеснымъ, помазующимъ царей, и страной всталъ листъ исписанной бумаги“, т. е. конституціонный законъ, гарантирующій народу безопасность отъ деспотовъ. Но когда развитіе жизни страны приводило къ сознанію народомъ своихъ правъ, когда эти права становились необходимѣйшимъ условіемъ дальнѣйшаго развитія или даже существованія, когда жизнь трещала въ тискахъ абсолютнаго самовластья, ища выхода своимъ побѣгамъ—тогда богопомазанникамъ приходилось считаться съ рѣшимостью возставшаго народа или пасть въ бою, или выйти изъ него въ обладаніи свободы. Разъ народъ не могъ добиться своихъ правъ мирнымъ путемъ и мирными средствами т. е. эволюціей, онъ переходилъ къ революціи, и путь революціи почти всегда оказывался вѣрнымъ, и даже единственно вѣрнымъ, для достиженія цѣли. Сила предшествуетъ праву; каждый имѣетъ ровно столько же права, сколько имѣетъ силы. Сила же въ государствѣ есть и была—военная сила, сила матеріальнаго оружія; и народъ бросался къ этому оружію для завоеванія и защиты своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ.

Но какъ могъ рѣшиться невооруженный народъ на борьбу съ правительствомъ, которое располагало многочисленнымъ

вымуштрованнымъ, дисциплинированнымъ, обученнымъ военному искусству и вооруженнымъ превосходнымъ оружіемъ войскомъ? Какимъ образомъ и откуда могъ народъ, только что выбѣжавшій съ мастерской или фабрикъ, доставать оружіе и такъ владѣть имъ, что посрамлялъ цѣлый сонмъ правительственныхъ генераловъ и офицеровъ, знатоковъ военнаго искусства и науки, стоящихъ во главѣ многочисленнаго войска? Прямо непонятнымъ, даже невозможными кажутся въ мирное, нереволюціонное время какъ самая возможность возстанія, такъ тѣмъ болѣе побѣды возставшаго народа. Но нелицепріятная исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что энтузіазмъ и геройство, иногда геройство отчаянія, угнетеннаго, но возставшаго народа побѣждали штыки и пушечныя ядра тирановъ, цѣпко державшихся за свои „божественныя права“ и думавшихъ, что „послѣ насъ хоть потопъ“. Исторія революцій, особенно французскихъ революцій, послѣдовавшихъ за Великой Французской революціей 1789 года, полна ужасныхъ, хотя и возвышенныхъ, картинъ уличной и баррикадной борьбы возставшаго народа со спущенными на него откормленными и пьяными солдатами, а также ихъ соратниками-босяками, нанятыми для рѣзни (въ іюньскую парижскую революцію правительство сформировало нѣсколько полковъ этихъ „мобилей“).

Когда набатъ, звонъ колоколовъ возвѣщалъ о началѣ возстанія и призывалъ къ борьбѣ, революціонный народъ выбѣгалъ со своихъ подваловъ и чердаковъ и спѣшилъ въ мѣста, гдѣ начинались рѣшительныя событія. Революція подхватывала этихъ вѣчныхъ тружениковъ, теперь преобразившихся въ борцовъ, ея великая просвѣщающая и организующая сила въ нѣсколько часовъ воспитывала его, обучала искусству доставать оружіе и владѣть имъ. Оружіе возставшій народъ добывалъ изъ оружейныхъ складовъ, изъ арсеналовъ и др. Но чтобы достать оружіе, надо имѣть его, хотя въ незначительномъ количествѣ. Тогда у гражданъ имѣлось коекакое оружіе, тогда еще тираны не рѣшались драконовскими законами воспретить народу быть вооруженнымъ и т. обр. быть въ состояніи хоть отчасти обороняться отъ опричниковъ.

Съ этимъ оружіемъ народъ бросался на ближайшіе полицейскіе и солдатскіе посты, а также казармы и разоружалъ ихъ; онъ нападалъ на оружейныя лавки и магазины, магазины желѣза, арсеналы, цейхгаузы и подвергалъ ихъ разгрому, забирая какъ огнестрѣльное, такъ и холодное оружіе. Такъ, въ 1792 году, когда французскій король Людовикъ XVI, „первый патріотъ милой Франціи", какъ называлъ онъ себя и какъ именуютъ себя всѣ короли, призвалъ тайно на милое отечество иноземныя войска, негодующій парижскій народъ бросился къ арсеналу, разграбилъ его и послѣ взялъ приступомъ королевскій дворецъ Тьюлери; взявъ короля въ плѣнъ, народъ засадилъ этого богопомазаннаго измѣнника въ тюрьму. 14-го іюля 1789 года тотъ же парижскій революціонный народъ напалъ на казенное зданіе „Домъ Инвалидовъ", въ подвалахъ котораго было сложено масса оружія, взялъ оттуда около 30.000 ружей, много холоднаго оружія и даже нѣсколько пушекъ. Оттуда народъ двинулся на Бастилію, „политическую" крѣпость, вродѣ нашей Петропавловской, гдѣ гноились правительствомъ лучшіе французскіе граждане. Народъ послѣ отчаяннаго штурма взялъ крѣпость и разрушилъ ее до основанія.

Когда вѣнское правительство посылало войска для разгрома Венгріи, кое какъ вооруженный народъ, во главѣ знаменитаго вѣнскаго академическаго легіона, оцѣпилъ вокзалъ, откуда должны были отправить войска. Въ происшедшей стычкѣ народъ отбилъ нѣсколько пушекъ при помощи перешедшаго на его сторону так. наз. Рихтеровскаго баталіона (гренадеры), затѣмъ атаковалъ арсеналъ, который сдался только послѣ 12 часовой бомбардировки его изъ пушекъ. Народъ вооружился изъ арсенальныхъ складовъ оружія.

Такъ бывало и во всѣ другія революціи, какъ во Франціи и Австріи, такъ и въ безчисленныя германскія областныя революціи; такъ было и въ Италіи.

И оружіе частныхъ лицъ привлекало вниманіе инсургентовъ: они отбирали оружіе у лицъ, не имѣвшихъ желанія или возможности встать въ ряды борцовъ, и затѣмъ дѣлали

помѣтки на дверяхъ, что оружіе взято, на случай если пріидутъ другіе революціонеры, которыхъ надпись предупредитъ, что оружіе забрано.

Возставшій народъ и самъ выковывалъ оружіе, и самъ приготовлялъ порохъ, самъ отливалъ пули, при чемъ послѣднимъ занимались, главнымъ образомъ дѣти и жены инсургентовъ, которыя во всѣхъ революціяхъ играли въ высшей степени полезную вспомогательную роль; женщины же нерѣдко не уступали въ храбрости и боевыхъ способностяхъ своимъ мужьямъ и братьямъ.

Но вооружиться не значило еще быть готовымъ къ бою съ сильными правительственными войсками. Если во время боя даже войско, превосходно вооруженное, обученное и испытанное, ищетъ естественныхъ или искусственныхъ прикрытій, то тѣмъ болѣе въ такихъ прикрытіяхъ нуждались инсургенты, на сторонѣ которыхъ бывала только сила духа, сила ненависти къ кровожаднымъ властелинамъ. И народъ всегда устремлялся строить баррикады, онъ съ лихорадочной, часто инстинктивной поспѣшностью воздвигалъ эти революціонныя крѣпости. Безъ этихъ искусственныхъ сооруженій, безъ баррикадъ не обходилась ни одна европейская революція 19-го вѣка; за ихъ стѣнами искалъ прикрытія возставшій, сильный своей готовностью и рѣшимостью дорого продать врагамъ свою жизнь, народъ. Баррикады впервые начались примѣняться въ уличной борьбѣ въ 1827 году. Въ іюльское возстаніе 1830 года въ Парижѣ баррикадъ было возведено немного, всего нѣсколько десятковъ, но при послѣдующихъ возстаніяхъ число ихъ было громадно, при чемъ онѣ пріобрѣли болѣе важное значеніе. Напр., въ іюньскую революцію 1848 года въ Парижѣ было построено болѣе тысячи баррикадъ, въ февральскую революцію, въ ночь съ 23 на 24—болѣе 1500. Послѣ потопленія въ крови рабочаго возстанія въ Парижѣ (Коммуна), буржуазное правительство ассигновало нѣсколько сотъ тысячъ франковъ на разборку баррикадъ. Чтобы получить нѣкоторое представленіе объ этихъ крѣпостяхъ, постройкой которыхъ руководили иногда спеціалисты инженеры и архитекторы,

а въ Парижской Коммунѣ даже спеціальная баррикадная коммисія, приведемъ вкратцѣ описаніе одной изъ баррикадъ, данное въ романѣ Гюго „Отверженные“.

„Баррикада замыкала въѣздъ въ предмѣстье Сентъ-Антуанъ (рабочій кварталъ въ восточной части Парижа. М. С.) Она была огромныхъ размѣровъ, высотой въ трехъ-этажный домъ, длиной 700 футовъ и перерѣзывала устья трехъ расходившихся въ разныя стороны улицъ, заграждая так. обр. доступъ въ предмѣстье. Снабженная зубцами и бойницами, упираясь въ земляные холмы, служившіе бастіонами, прилегая непосредственно къ обоимъ мысамъ, образуемымъ домами трехъ улицъ, протягивая тамъ и сямъ мощные выступы, воздымалась она, какъ циклопическая постройка... Четыре дня выдерживала она натискъ многочисленныхъ враговъ; она осталась послѣднимъ оплотомъ возстанія тогда, когда оно было вытѣснено уже изъ всѣхъ кварталовъ. Въ послѣдніе часы инсургенты, за недостаткомъ пуль, заряжали свои карабины кусочками фаянса, косточками, пуговицами и т. под.... Время отъ времени надъ баррикадой высовывались головы борцовъ съ горящими глазами. Надъ ними выросталъ колючій рядъ карабиновъ, сабель, пикъ, топоровъ и штыковъ. Надъ баррикадой развѣвалось огромное красное знамя. Слова команды, одушевленныя боевыя пѣсни, звуки трубъ, крики женщинъ стояли въ воздухѣ.... Хрустъ и трескъ исходили оттуда, какъ изъ электрическаго чудовища и въ щеляхъ баррикады вспыхивали огоньки разряжаемыхъ ружей. Духъ революціи носился надъ ея вершиной. Какъ скала высилась она передъ генералами африканской школы, и о нее должна была разбиться вся ихъ стратегія.... Картечь была здѣсь безсильна, ядра могли производить только дыры. Какой же смыслъ было стрѣлять въ этотъ хаосъ! Войска, привыкшія ко всевозможнымъ картинамъ, теряли бодрость, глядя на это неприступное укрѣпленіе“....

Изъ какихъ матеріаловъ сооружались баррикады? Смотря по тому, какую цѣль преслѣдовали возставшіе постройкой баррикадъ, онѣ были двухъ и болѣе типовъ: прочнаго, солид-

наго и болѣе легкаго, простого. Описанная В. Гюго баррикада, т. наз. „мать баррикадъ“, представляла собой настоящую крѣпость, которую войска штурмовали по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, и которая защищалась возставшими не менѣе успѣшно, чѣмъ осажденными въ крѣпости. Такія сооруженія не только служили препятствіемъ, чисто механическимъ препятствіемъ для движенія войскъ, особенно конницы, производили не только моральное впечатлѣніе на войска, но и являлись одновременно сильнымъ оплотомъ возставшихъ противъ правительственныхъ войскъ. Такія солидныя баррикады, разумѣется, нужно было возводить и строить изъ прочнаго, крѣпкаго матеріала. Остовомъ баррикады обыкновенно служили дилижансы, фургоны, вагоны конки, экипажы и т. п., которые подвозились къ мѣсту, гдѣ предполагалось строить баррикаду, и опрокидывались. На этотъ остовъ баррикады валились всевозможные предметы, какіе только удавалось доставать: желѣзными прутьями выворачивались камни мостовой, которыесобирались въ кучи поперекъ улицы, чтобы препятствовать движенію войскъ (для баррикадъ камни не годятся, и бо отъ снарядовъ разбиваются на мелкіе осколки и ранять баррикадныхъ борцовъ), а обнаженную землю брали для стѣнъ баррикадъ, при чемъ старались рыть поперекъ улицы канавы—все противъ натиска войскъ. На стѣны баррикадъ шли деревья городскихъ улицъ и бульваровъ, которыя срубали немилосердно. Напр., въ февральскую революцію въ Парижѣ въ одну ночь (съ 23 на 24) въ рабочихъ кварталахъ было срублено для возведенія баррикадъ до 4000 деревьевъ. На баррикады валили также всѣ желѣзныя вещи, какія оказы вались въ распоряженіи возставшихъ—все потомъ засыпалось и обкладывалось землей. Оставлялись бойницы и зубцы для облегченія инсургентамъ прицѣльной стрѣльбы съ меньшимъ рискомъ для себя. Впереди баррикады, а также съ тылу, откуда борцамъ всегда угрожала наибольшая опасность, рылись рвы, дѣлались загражденія для затрудненія подступа къ баррикадѣ; для этого обыкновенно устраивались проволочныя загражденія: поперекъ улицы протягивалась въ нѣс-

колько рядовъ проволока, которую, обыкновенно, доставали въ желѣзныхъ магазинахъ, а позднѣе, съ телеграфныхъ столбовъ. По улицѣ разбрасывались ящики, доски, битое стекло, гвозди и т. п. Такія баррикады, возведенныя изъ прочныхъ матеріаловъ, дѣлающихъ стѣны баррикады непробойными или малопробойными, и защищенныя со всѣхъ сторонъ искусственными загражденіями—конечно, выдерживали продолжительный штурмъ. Но на постройку такихъ баррикадъ требовалось не только умѣнье, спокойная выдержанность, но и время, котораго у возставшаго народа всегда было немного. Инсургенты, поэтому, въ большинствѣ случаевъ ограничивались постройкой баррикадъ легкаго типа, изъ легковѣснаго матеріала. Не представляя собой тѣхъ революціонныхъ крѣпостей, которыя цѣлыми днями выдерживали ядерный дождь правительственныхъ пушекъ, маленькія баррикады играли такую же грозную роль для войскъ своей многочисленностью. Онѣ также защищались по возможности со всѣхъ сторонъ; подступъ къ нимъ былъ огражденъ рвами поперекъ улицы, проволочными загражденіями и т. наз. волчьими ямами, которыхъ особенно много было устроено въ мартовскую революцію въ Берлинѣ.

Возставшіе, обыкновенно, придерживаются тактики „стратегическаго наступленія“, т. е. стараюся постоянно держать войска въ напряженіи, ведя противъ нихъ партизанскіе набѣги и угрожая вылазками съ баррикадъ,—и одновременно тактики т. наз. „тактической обороны“, держась за опорные пункты, главнымъ образомъ, за баррикадами. Соотвѣтственно съ этимъ и баррикады играютъ двоякую роль: онѣ даютъ возможность повстанцамъ укрываться отъ огня непріятеля, не уменьшая своего огня и удерживаютъ наступающаго противника возможно дальше подъ огнемъ баррикадныхъ борцовъ.

Огню артиллеріи, тогда еще не обладавшей такой разрушительной силой удара и скорострѣльностью, могли противустоятъ только солидныя баррикады. Легкія же баррикады, представляя временное укрѣпленіе, за которыми до удобнаго момента для вылазки укрываются инсургенты, скоро выростали

на отвоеванныхъ у войскъ участкахъ. Многіе спеціалисты, въ томъ числѣ и обезславившійся генералъ, командовавшій войсками парижской коммуны, Клюзере, находятъ, что только легкаго типа баррикады должны примѣняться въ уличной борьбѣ, причемъ за стѣнами баррикады не долженъ оставаться ни одинъ инсургентъ. Такимъ образомъ, баррикада по ихъ мнѣнію, должна служить только препятствіемъ для движенія войскъ, препятствіемъ чисто механическимъ, и, кромѣ того, нѣкоторымъ моральнымъ устрашеніемъ.

Наиболѣе подходящимъ для возведенія баррикадъ и баррикадной борьбы мѣстомъ являлись узкія, кривыя улицы, взаимно пересѣкающіяся и застроенныя высокими домами. Такими улицами были богаты всѣ старинные города, при постройкѣ которыхъ еще не думали сдѣлать невозможнымъ всякое сопротивленіе „законнымъ властямъ“ со стороны „любезнаго сердцу“ тирановъ народа. Въ Парижѣ восточные, рабочіе кварталы, откуда всегда начиналась уличная и баррикадная борьба, представляли настоящій лабиринтъ такихъ улицъ. Наполеонъ Бонапартъ, разбойнически захвативши власть и провозгласившій себя императоромъ дважды перестраивалъ какъ эти кварталы, такъ и большую часть Парижа, чтобы сдѣлать невозможной баррикадную борьбу.

Баррикады обыкновенно упирались своими крыльями въ ворота ближайшихъ домовъ; эти дома занимались инсургентами для различныхъ службъ-въ нихъ устраивался перевязочный пунктъ, тамъ отдыхала смѣна борцовъ; кромѣ того занятіе этихъ домовъ предупреждало обходъ непріятеля съ фланговъ или черезъ проломы стѣнъ сосѣднихъ домовъ; такой обходъ всегда кончался катастрофой для возставшихъ, ибо появившіеся въ верхнихъ этажахъ или на крышѣ солдаты легко перестрѣливали всѣхъ находящихся на баррикадѣ. Зная всѣ ходы и выходы этихъ домовъ, инсургенты, въ случаѣ обхода съ тыла и необходимости отступить—легко спасались.

Какъ сказано выше, баррикады, служа прикрытіемъ и опорнымъ пунктомъ для революціонеровъ, облегчали имъ въ случаѣ удачнаго отбитія аттаки войскъ или удачной вылазк

—переходъ въ наступленіе и возведеніе на отвоеванныхъ участкахъ новыхъ баррикадъ. Въ Парижѣ баррикады, появлявшіяся въ началѣ возстанія въ рабочихъ кварталахъ, постепенно приближались и полукольцомъ—охватывали городскую ратушу (зданіе городской думы). Цѣлью такого „кольцевого“ марша былъ захватъ центральнаго учрежденія столицы, задававшей тонъ всей странѣ; захватъ ратуши давалъ возможность выбирать временное революціонное правительство, замѣщать изъ среды революціонеровъ разныя важныя должности, издавить воззванія и манифесты какъ для города, такъ и всей страны и облекать, так. обр., побѣды революціи въ правовыя формы.

Кольцомъ выростали и двигались баррикады также въ мартовскую революцію въ Берлинѣ. Баррикады появились въ началѣ на Охотничьей улицѣ и затѣмъ все ближе и тѣснѣе подвигались къ Королевской улицѣ, такъ что король Фридрихъ Вельгельмъ IV, и слышать не хотѣвшій о „листѣ исписанной бумаги“, которую потребовалъ народъ, разогнанный штыками и залпами дворцовыхъ гренадеровъ, 18 марта изъ окна своего дворца совсѣмъ близко увидѣлъ большое черно—красно—золотое знамя, которое развѣвалось надъ баррикадой около кельнской ратуши. „Убрать съ моихъ глазъ это проклятое знамя“! завопилъ король, какъ Мефистофель предъ святымъ крестомъ, ужаснувшись символа революціи. Но знамя не только не смогли убрать, но даже, когда на слѣдующій день возставшій народъ побѣдилъ „вѣрнолюбезное“ воинство, король принужденъ былъ украситься тѣми же цвѣтами революціи и на всѣхъ перекрестахъ возвѣщать о завоеваніи „любезными сердцу“ берлинцами листа исписанной бумаги. Больше того: королевскую чету вызвали во дворъ дворца, куда революціонеры доставили трупы разстрѣлянныхъ на баррикадахъ борцовъ. Короля заставили посмотрѣть на эти жертвы его миропомазаннаго деспотизма; не догодавшись, что нужно обнажить голову предъ тѣлами павшихъ борцовъ, король стоялъ, потупивши взоръ, но грозный народный крикъ: „Снимите шляпу“, заставилъ его въ первый разъ въ жизни сми

риться предъ волей народа, къ которому не чувствовал никогда ничего, кромѣ отвращенія. На этотъ разъ скверно чувствовалось королевской четѣ. Историкъ говоритъ, что король всю свою остальную жизнь не могъ простить этой сцены берлинцамъ.

Одна баррикадная или уличная борьба, борьба непосредственная съ правительственными войсками далеко не обезпечивала возставшимъ достиженіе поставленной цѣли. Баррикада, будь она даже настоящая крѣпость, должна была въ концѣ концовъ пасть отъ систематическаго, продолжительнаго огня артиллеріи; хотя революціонеры въ мигъ возводили новыя баррикады вмѣсто разрушенныхъ, но это ни на шагъ не приближало ихъ къ достиженію цѣли.

Такъ же должна была кончаться для революціоннаго, хотя бы и многочисленнаго, народа непосредственная борьба съ войсками, охотно, или даже безъ ропота, идущими на бой съ возставшими. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для инсургентовъ, борьба все же была неравной. И потому цѣлый рядъ другихъ, кромѣ баррикадной борьбы, и столь же важныхъ операцій считали они необходимымъ для одержанія побѣды. Начнемъ съ менѣе важнаго. Безъ сочувствія широкой массы гражданъ положеніе возставшихъ было тяжелое; но при наличности такого сочувствія, въ большомъ количествѣ выростали т. наз. „революціонные дома“. Повстанцы располагались въ такихъ домахъ, выходящихъ на улицы, по которымъ должны были слѣдовать войска и, открывая внезапно огонь, производили замѣшательство среди солдатъ, мѣшали артиллеріи „стать на позицію“, выбивая орудійную прислугу. Отвлекая вниманіе и часть силы войскъ, революціонные дома ослабляли силу нападенія на баррикады; утомляя неожиданными нападеніями войска, поражая ихъ съ самыхъ выгодныхъ позицій огнемъ, держа ихъ въ постоянномъ страхѣ предъ возможными засадами, революціонеры тѣмъ самымъ способствовали развитію въ войскѣ духа неповиновенія и колебанія. Если отсутствовали боевые снаряды, инсургенты или сочувствовавшіе имъ жильцы революціонныхъ домовъ, сыпали на про-

ходившія войска всевозможную домашнюю мебель, посуду, рухлядь, полѣнья дровъ, камни, втаскиваемые на крыши или въ верхніе этажи дѣтьми и слабыми женщинами. Въ іюльскую революцію 1830 г. въ Парижѣ на улицѣ св. Антонія цѣлый эскадронъ кавалеріи положительно былъ засыпанъ съ верхнихъ этажей домовъ такой рухлядью, при чемъ, понесши тяжкія потери, эскадронъ долженъ былъ отступить. Въ Берлинѣ возставшіе разбивали асфальтовыя мостовыя и обломками кидали съ крышъ домовъ въ войска; оттуда же лили они кипятокъ и кипящее масло.

Войска, истомленныя такими неожиданными и частыми нападеніями изъ засады или партизанскими набѣгами инсургентовъ, къ тому же часто голодныя, ибо потерявшее голову начальство забывало организовать правильную доставку пищи посланнымъ имъ на братоубійственную войну солдатамъ; истомленныя также безсонницей, холодомъ, дождемъ и т. п., начинали колебаться: въ нихъ, въ сынахъ народа, просыпалось чувство человѣчности и братства, столь старательно подавляемое казарменнымъ режимомъ; они начинали спрашивать себя: что сдѣлали намъ такого наши братья, что мы должны ихъ разстрѣливать въ угоду нашему начальству, которое посылаетъ насъ на бойню, но даже не кормитъ насъ при этомъ? Вѣдь тѣ наши братья и сестры должно быть отчаяніемъ доведены до того, что силой захотѣли побѣдить начальство; вѣдь они насъ зря не убиваютъ, часто кормятъ, когда мы голодны; прежде чѣмъ открыть стрѣльбу они всегда зовутъ насъ къ себѣ, обѣщая первыми не стрѣлять! Такъ, зачѣмъ же намъ стараться на наше начальство, зачѣмъ намъ разстрѣливать тѣхъ людей? Смотря по самымъ различнымъ обстоятельствамъ, отвѣты на эти вопросы и раздумье получались различные: войска или продолжали „исполнять долгъ присяги“ пославшимъ ихъ на бойню, или же, рано или поздно, переходили на сторону народа. Такимъ переходамъ революціонеры способствовали всѣми мѣрами и соприкосновеніе съ солдатами, братское увѣщеваніе ихъ не проливать невинной крови въ угоду преступному правительству—всегда считали самымъ

важнымъ моментомъ, который въ значительной части рѣшалъ судьбу боя. Даже взявши въ руки оружіе, рѣшившись на отчаянную борьбу на жизнь или на смерть, сжегши за собой всѣ корабли—революціонеры старались всѣми силами не проливать даже капли крови, если только была возможность обойтись безъ кровопролитія. Поэтому они всячески старались расположить въ свою пользу войска, какъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ ними и уговариваніями, такъ и тактичнымъ поведеніемъ по отношенію къ нимъ. На улицахъ возставшій или демонстрировавшій народъ всегда встрѣчалъ солдатъ съ возгласами; „да здравствуютъ войска, да здравствуютъ наши братья солдаты!“

Такое тактичное и разумное отношеніе къ войскамъ почти всегда давало самые благопріятные и счастливые результаты: войска, высланныя разгонять демонстраціи, вмѣсто того, чтобы звѣрски наброситься на безоружный народъ, только добродушно подталкивали передъ собой толпу. Когда же событія разгорались, и революціонное кипѣніе переходило въ открытое сраженіе, войска часто отказывались стрѣлять въ народъ или даже переходили на его сторону. Такъ въ Іюлѣ 1789-да парижане освободили изъ тюрьмы аббатства гренадеровъ, арестованныхъ незадолго передъ тѣмъ по приказу короля за отказъ стрѣлять въ народъ. За то и гренадеры не замедлили прійти на помощь тому же народу, когда тотъ возсталъ противъ угнетателей. 12 іюля король отставилъ либеральнаго министра Неккера и даже выслалъ его изъ предѣловъ Франціи; это значило, что король рѣшилъ бросить вызовъ народу, котораго послѣ отставки Неккера долженъ былъ ожидать снова средневѣковый произволъ и разгулъ королевской опричины. Возмущенный народъ высыпалъ на улицу защищать свои права. Гренадеровъ тогда держали взаперти подъ охраной муниципальныхъ гвардейцевъ (жандармы), ибо не надѣялись на ихъ „вѣрную службу“; но гренадеры силой вырвались изъ казармъ и поспѣшили на помощь къ народу. Противъ возставшихъ были высланы войска, но гренадеры преградили имъ дорогу: войска отказались атако-

вать гренадеровъ—и нѣсколько полковъ перешло на сторону народа, который черезъ нѣсколько дней послѣ этого при помощи пушекъ, доставленныхъ тѣми же гренадерами, а также взятыми изъ Дома Инвалидовъ, штурмомъ взялъ Бастилію, гдѣ были замурованы лучшіе сыны Франціи и, значитъ, худшіе преступники въ глазахъ королевской своры.

Въ іюльскую революцію 1830 г. въ Парижѣ 5-ый и 58-ой линейные полки отказались повиноваться диктатору, назначенному правительствомъ надъ городомъ, генералу Мармону и перешли на сторону народа вмѣстѣ съ генераломъ Жераромъ. Такой поворотъ дѣла рѣшилъ исходъ возстанія: перепуганный король Карлъ X поспѣшилъ ретироваться изъ Парижа со всей своей семьей, но сынъ его, наслѣдникъ престола, не хотѣлъ разставаться съ богопомазанными правами на всякія звѣрства и развратъ, и съ оставшимися войсками повернулъ на Парижъ. У Севрскаго моста онъ приказалъ атаковать возставшихъ, но... войска „пожалѣли патроны“ для своихъ братьевъ и отказались повиноваться. Его высочество принцъ теперь ужъ одинъ поспѣшилъ въ отчаяніи къ отцу, чтобы вмѣстѣ продолжать бѣгство изъ предѣловъ Франціи.

Случаевъ перехода части войскъ на сторону народа было много и въ февральскую революцію въ Парижѣ, было много ихъ въ Вѣнской революціи, было ихъ очень много и въ южногерманскихъ областныхъ революціяхъ. Описаніе хоть части этихъ случаевъ заняло бы цѣлую книгу.

Всюду возставшіе относились корректно къ войскамъ, которые, конечно, не имѣли поэтому особеннаго рвенія къ разстрѣлу народа. Только гвардейцы и муниципальные жандармы обнаруживали при всякихъ обстоятельствахъ жестокость и наглость, взращенную въ нихъ годами систематической казарменной жизни и обученія искусству презирать народъ и душить его по первому приказу. За то и доставалось имъ отъ народа, который преслѣдовалъ болѣе всего этихъ звѣрей.

Когда, несмотря ни на какія старанія и попытки возставшихъ обойтись безъ кровопролитія, начинался бой, революціонеры изумляли своей храбростью и презрѣніемъ къ смерти,

которая могла кончить только ихъ невыносимое, рабское существованіе. Женщины дрались не хуже своихъ мужей и братьевъ; старухи доставляли пищу борцамъ, ухитряясь часто обмануть войска, оцѣплявшія районъ борьбы, притворившись беременной и на животѣ принося пищу или боевые припасы. Дѣти тутъ же, на баррикадѣ, отливали пули въ бумажныя картушницы, тутъ же наполняли гильзы порохомъ и вставляли нистоны. Они же несли развѣдочную службу. Они же, наконецъ, въ критическіе моменты вмѣстѣ съ своими матерями бросались къ ногамъ солдатъ, умоляя ихъ не стрѣлять и не проливать крови *). Во время боя инсургенты старались главнымъ образомъ истреблять офицеровъ, какъ сознательныхъ враговъ народа, годами обучавшихъ темныхъ солдатъ искусству убивать, солдатъ же жалѣли до послѣдней возможности. Напримѣръ, во время іюньскаго возстанія, длившагося всего четыре дня, однихъ генераловъ было убито шесть, и шесть, кромѣ того, были болѣе или менѣе серьезно ранены. Офицеровъ было убито и ранено еще больше, процентъ же потерь солдатами по сравненію съ цифрой выбывшихъ изъ строя генераловъ и офицеровъ былъ незначительный.

Тѣмъ болѣе звѣрски начинало неистовствовать правительство генераловъ и офицеровъ: кровь возставшихъ оно оцѣнивало ниже крови животныхъ, которыхъ и они не убили бы безъ жалости. По отношенію къ революціонерамъ примѣнялись самыя жестокія, какія только можно было придумать, мѣры. Для нихъ не существовало даже тѣхъ правъ, какими поль-

---

*) Этимъ объясняется, почему войска по уставу не должны подпускать къ себѣ толпу ближе 150 шаговъ. Попытки женщинъ и дѣтей слезами проложить путь состраданія къ сердцамъ солдатъ всегда считались начальниками войскъ болѣе опаснымъ моментомъ, чѣмъ наступленіе возставшихъ въ превосходномъ количествѣ и вооруженіи. По словамъ упомянутаго ген. Клюзере, офицерамъ строжайше запрещалось доводить дѣло до такого братанья войскъ съ народомъ. Этимъ объясняется тотъ случай изъ февральской революціи въ Парижѣ, когда баталіонъ 14-го линейнаго полка разстрѣлялъ мирную похоронную процессію, приближавшуюся къ нему.

зовались чужеземные плѣнники. Распространяя про возставшихъ выдуманныя, ужасныя небылицы, изображая ихъ какъ звѣрей, не чтящихъ ни религіи, ни правъ людей, не имѣющихъ ничего святого, правительство кромѣ войскъ направляло на нихъ подонки развратнаго общества: изъ босяковъ въ іюньское возстаніе правительство сформировало нѣсколько полковъ т. наз. „мобилей“, какъ было сказано выше. Спаивая и страша ихъ ужаснѣйшими слухами про революціонеровъ, правительство, составленное на этотъ разъ уже не изъ ставленниковъ короля, а изъ представителей буржуазіи, совѣтовало плѣнныхъ не брать. Человѣкообразныя гориллы, конечно, не давали пощады никому, даже дѣтямъ инсургентовъ. *) Знаменательно, что съ тѣхъ поръ, какъ власть переходила въ руки буржуазіи, она при подавленіи возстанія народа обнаруживала жестокость, какой не знало ни одно феодальное правительство по отношенію къ массѣ. Какъ всякій трусливый, но тѣмъ болѣе кровожадный звѣрь, буржуазія давала своимъ звѣрскимъ инстинктамъ полный просторъ послѣ того, какъ народъ былъ разбитъ и безсильный, обезоруженный ждалъ своей участи. Послѣ подавленія парижской коммуны версальскими войсками, огнемъ прочищавшими себѣ дорогу по улицамъ Парижа—результаты мести буржуазіи выразились: не менѣе 30 тысячъ коммунаровъ были разстрѣляны (изъ этого числа только десятка два пало въ бою). Для разстрѣла плѣнныхъ сгоняли по нѣсколько тысячъ въ кучу и пушечной картечью косили этихъ лучшихъ сыновъ родины, сердца которыхъ горячо бились за свободу и величіе Франціи. Судъ, въ видѣ исключенія назначавшійся для нѣкоторыхъ, длился 1/4 минуты! И кончался онъ, конечно, разстрѣломъ. Остальныхъ судилъ генералъ Га-

*) Не однимъ русскимъ, „истинно—русскимъ“, хотя и съ иностранными фамиліями, генераламъ велѣлъ богъ устраивать погромы—товарищами ихъ по международному хулиганству являются и являлись просвѣщенные и даже ученые Араго, Кавеньяки, Тьери, Галифэ и множество другихъ. Но и жертвы ихъ обязываютъ къ международному сплоченію уничтожаемыхъ и попираемыхъ.

лифэ, который пальцемъ указывалъ, кого вести на бойню. И этотъ генералъ, даже двадцать лѣтъ спустя, не только не былъ судимъ „цивилизованнымъ“ обществомъ, но даже былъ министромъ радикальнаго кабинета! Но что еще лучше, съ нимъ рядомъ возсѣдалъ „соціалистъ“ Мильеранъ, и имъ обоимъ часто апплодировалъ „легальный соціалистъ“ Жоресъ, поддерживая ихъ противъ черносотенцевъ парламента!

Кромѣ разстрѣлянныхъ, жертвой Тьера, Галифэ и прочей своры буржуазныхъ гіенъ, столь же безобразныхъ, сколь и кровожадныхъ, пали 5000 замученныхъ въ тюрьмахъ и 15000 сосланныхъ въ каторгу, откуда ихъ освободили только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Что же сдѣлали коммунары, чѣмъ заслужили такую жестокую расправу, подобной которой не видали и древніе вѣка? За справедливость подняла знамя возстанія Коммуна! На всѣхъ дверяхъ она надписала: „собственность священна“, и золотника чужой, частной собственности она не присвоила для блага народа же. Въ государственномъ банкѣ лежали милліарды народныхъ денегъ, выколоченныхъ правительствомъ съ народа—коммуна не тронула ни одной копѣйки, хотя, взявъ въ свои руки бразды управленія, она нуждалась въ деньгахъ. Плѣнныхъ она отпускала на честное слово не сражаться больше противъ народа, между тѣмъ какъ буржуазное правительство прикалывало и разстрѣливало плѣнныхъ коммунаровъ; коммуна въ видѣ угрозы начала брать заложниковъ, и, конечно, волосокъ не упалъ съ нихъ; Тьеръ зналъ о человѣколюбіи коммуны и... продолжалъ разстрѣливать плѣнныхъ, будучи увѣренъ въ безопасности въ рукахъ коммунаровъ своихъ солдатъ.

На этомъ примѣрѣ отношенія побѣдившаго правительства къ побѣжденному народу я остановился подольше потому, что онъ является типичнымъ въ этомъ отношеніи. Звѣрства побѣдителей не знаютъ границъ. Да и не только побѣдителей: послѣ разстрѣла десятковъ тысячъ коммунаровъ, начались развратныя оргіи капиталистовъ. „Въ госпиталяхъ ампутированныхъ подхватывали на штыки и выбрасывали за окна въ кровавые ручьи, какъ щенятъ, которые пищатъ и воютъ. За-

писные журналисты и пышныя богини наслажденія бѣгали нюхать трупы. Красавицы втыкали кончики своихъ зонтиковъ въ зіяющія раны еще живыхъ людей... Александръ Дюма—сынъ, пѣвецъ куртизанокъ, защитникъ религіи, собственности и буржуазной семьи, покоющейся на прелюбодѣяніи и домѣ терпимости, объявлялъ, что „самка коммунара похожа на женщину только тогда, когда зарѣзана“. (Арну. Мертвецы коммуны.) Какъ же пользовался возставшій народъ властью, если оставался побѣдителемъ? Тогда еще дѣйствующимъ лицомъ являлся доподлинный „народъ“, тогда рабочіе не сознавали еще своихъ собственныхъ интересовъ, не чувствовали себя классомъ; они шли вмѣстѣ съ мелкой буржуазіей городовъ. Но плодами ихъ побѣды всегда пользовалась трусливая, трясущаяся у своихъ денежныхъ сундуковъ, крупная буржуазія, которая, обладая хорошей глоткой, послѣ одержанной народомъ побѣды съ чувствомъ выкрикивала громкія слова о правахъ, завоеванныхъ народомъ, о необходимости избрать народное правительство и т. д. Власть всегда переходила къ этимъ не сѣявшимъ, но пожинающимъ, буржуа. Выбиралось временное революціонное правительство, которое подготовляло выборы въ общенародный парламентъ. Для защиты завоеванныхъ народомъ правъ—вооружался народъ. Во Франціи—національная гвардія, въ Германіи и Австріи—т. наз. гражданское ополченіе должны были стоять на стражѣ народныхъ правъ и оборонять ихъ отъ всякихъ покушеній. Но въ національную гвардію и гражданское ополченіе попадали представители все той же крупной или мелкой буржуазіи, которая всегда останавливалась на полдорогѣ, рѣшительно выступая противъ домогательствъ пролетаріата, который всегда оставался обойденнымъ, какъ и прежде безправнымъ и эксплоатируемымъ. Гражданское ополченіе, успокаиваясь на будто бы прочныхъ завоеваніяхъ, занималось больше парадами и съ теченіемъ времени становилось подъ начальство правительственной полиціи, которая натравляла его на рабочихъ. Были случаи, когда въ Германіи гражданское ополченіе устраивало бойню надъ рабочими при нейтралитетѣ правительственныхъ

войскъ и полиціи. Пользуясь содѣйствіемъ ополченія противъ самаго революціоннаго, до конца и послѣдовательно революціоннаго класса, какъ пролетаріатъ, побѣжденное правительство вскорѣ собиралось съ силами, мобилизовало войска и, открыто вступая на путь контръ-революціи, разгоняло и обезоруживало гражданское ополченіе и брало назадъ большую часть отвоеванныхъ народомъ правъ. Даже въ такихъ случаяхъ рабочіе становились въ первые ряды и храбро боролись *), тогда какъ мечтательное гражданское ополченіе пряталось по домамъ, а сытые буржуи, заслышавъ побѣдный маршъ правительственныхъ войскъ, набирались сразу воинственнаго духу и, помахивая изъ оконъ платкомъ (конечно, бѣлымъ) вопили: „да здравствуетъ король! да здравствуютъ королевскія войска!“ Пролетаріи послѣдними оставляли поле битвы. Вотъ каковъ былъ заключительный аккордъ бомбардировки Вѣны кровожаднымъ Виндишгрецомъ: „на крестьянскомъ рынкѣ мы внезапно услышали звукъ тревоги—разсказываетъ депутатъ и поэтъ Гартманъ; среди грома пушекъ, треска лопающихся гранатъ и отовсюду летящихъ обломковъ, трескъ барабана производилъ въ высшей степени тревожное и въ то же время возбуждающее впечатлѣніе. На Гогенмарктѣ мы увидѣли, от-

*) Напримѣръ, когда прусскій король рѣшился разогнать палату „соглашенія“, представлявшую жалкое собраніе крикуновъ, способныхъ только на «пассивное сопротивленіе», но все же олицетворявшихъ право и волю народа, рабочіе 30 профессій послали имъ письмо, въ которомъ писали: «Рабочіе Берлина готовы съ оружіемъ въ рукахъ откликнуться на вашъ призывъ, если кто либо осмѣлится оскорбить права народа и его представителей. Они отдаютъ въ ваше распоряженіе свои руки и свою кровь, кто бы ни былъ тотъ врагъ, который покусится предать васъ и народную свободу».

Но герои, способные только на «пассивное сопротивленіе» и по сіе время засѣдающіе въ Германскихъ представительныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ націоналъ-либераловъ, ежедневно предавая рабочій классъ, рѣшаются послѣ этого письма болтать, что рабочимъ чужда любовь къ отечеству и ея славѣ! Впрочемъ для нихъ отечество есть дворъ Гогенцоллерновъ и потому они правы въ своихъ обвиненіяхъ.

куда раздавался этотъ трескъ. Гогенмарктъ былъ пустъ, какъ и всѣ остальныя площади и улицы въ этотъ моментъ. Жители попрятались въ подвалахъ или держались во внутреннихъ комнатахъ домовъ, гдѣ они считали себя въ большей безопасности отъ ядеръ. Черезъ большую, точно вымершую площадь шелъ одинъ пятидесятилѣтній рабочій, впереди котораго маршировалъ маленькій мальчикъ лѣтъ десяти. Ребенокъ несъ большое черно—красно—золотое знамя, старикъ билъ въ барабанъ. Онъ не смотрѣлъ ни направо, ни налѣво; бомбы перелетали черезъ его голову, разрывались за нимъ, передъ нимъ: онъ шелъ впередъ размѣреннымъ шагомъ и билъ генералъ-маршъ; онъ билъ съ такой силой, какъ будто хотѣлъ пробудить отъ смертнаго сна погибшій міръ. Мальчикъ со знаменемъ спокойно шелъ впереди, а старикъ все шагалъ и билъ въ барабанъ. Мы замерли при этомъ зрѣлищѣ, слезы выступили у насъ на глаза. „Дорогой другъ,—сказали мы ему,—бросьте это, теперь уже все кончено“.—„Нѣтъ,—отвѣчалъ старикъ,—они должны выйти, они должны еще разъ выйти, не можетъ быть, чтобы дѣло погибло!“ Говоря такъ, онъ все шелъ впередъ, все билъ въ барабанъ, а мальчикъ спокойно несъ свое знамя, оглядываясь по сторонамъ, не идутъ ли „они“. Они не пришли“! За то буржуи громко кричали виватъ палачу Виндишгрецу, который не замедлилъ поразставить висѣлицы и приступить къ бойнѣ. Въ числѣ другихъ къ повѣшенію былъ присужденъ Робертъ Блюмъ, искренній демократъ, самая свѣтлая личность среди дѣятелей германскихъ революцій, выбившійся изъ пролетарскаго существованія собственными силами, но не заразившійся тлетворнымъ вліяніемъ новой среды. „За неимѣніемъ палача“, какъ сообщала оффиціальная газета „книготорговецъ изъ Лейпцига“, Робертъ Блюмъ 9-го ноября 1849 былъ разстрѣлянъ при помощи пороха и свинца. „Я умираю за свободу; пусть родина не забудетъ меня“, воскликнулъ онъ въ сильномъ возбужденіи, надѣвая передъ разстрѣломъ повязку на глаза! «Родина», т. е. лучшая часть человѣчества не забыла и не забудетъ безкорыстнаго борца за народную свободу. Его разстрѣляли, раз-

стрѣляли сотни и тысячи ему подобныхъ, но даже тогда палачи не смѣли и думать о возстановленіи прежняго строя, прежняго гнета. Какъ ни заливали тиранны кровью «милое отечество»,—послѣ революціи они все же подписывали «листъ бумаги»,—и надъ страной не могла больше возсіять, говоря словами Уланда, глава, не помазанная капелькой демократическаго мѵра.



Фундаментальная
Наук
Наук СССР